

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Гулбахор Абдуразаковна ДЖАЛИЛОВА

преподаватель

Самаркандский филиал Ташкентского университета
информационных технологий

Самарканд, Узбекистан

Аннотация

В статье рассматриваются категории времени и памяти как ключевые концепты поэтического мышления на материале лирики Иосифа Бродского и Мухаммада Юсуфа. Выявлены основные мотивы времени (линейное и циклическое время, мгновение и вечность, историческое и биографическое время) и памяти (индивидуальная ностальгия и коллективная историческая память) в поэзии.

Ключевые слова: время, хронотоп, культурная память, Иосиф Бродский, Мухаммад Юсуф, перевод, узбекская поэзия, ностальгия, идентичность.

VAQT VA XOTIRA POETIK TAFAKKURNING ASOSIY KATEGORIYALARI SIFATIDA

Gulbaxor Abdurazzoqovna JALILOVA

o'qituvchi

Toshkent axborot texnologiyalari universitetining Samarqand filiali
Samarqand, O'zbekiston

gulbaxor8335@gmail.com

Annotatsiya

Maqolada vaqt va xotira kategoriyalari she'riy tafakkurning asosiy konseptlari sifatida ko'rib chiqiladi, tahlil ob'ekti sifatida esa Iosif Brodskiy va Muhammad Yusuf lirikasi tanlangan. Maqolada vaqtning asosiy motivlari hamda xotira shakllari (shaxsiy nostalgiya va jamoaviy tarixiy xotira) aniqlanadi.

Tayanch so'zlar: vaqt, xronotop, madaniy xotira, Iosif Brodskiy, Muhammad Yusuf, tarjima, o'zbek she'riyati, nostalgiya, o'zlik.

Время и память – одни из фундаментальных категорий художественного сознания, особенно в поэзии, где слово концентрирует экзистенциальный опыт. В мировой литературоведческой традиции исследование категории времени занимает центральное место при анализе поэтического текста XX–XXI вв. В поэзии время превращается в полифункциональную структуру: оно может восприниматься как линейное или циклическое, историческое или субъективное, мгновенное или вечное.

Память же осмысляется как форма идентичности: личной и коллективной, и часто становится содержанием поэтического высказывания.

Категории времени и памяти давно привлекают внимание исследователей. В философии начиная с Аврелия Августина время осмысляется через призму памяти: «У настоящего нет длительности, а прошлого и будущего не существует. Мерилом времени должна быть память», – писал Августин, указывая, что наше восприятие времени укоренено в работе памяти [1; 11]. Современная герменевтика развивает идею о нарративной организации опыта: «Время становится человеческим временем в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а нарратив значим в той мере, в какой он очерчивает особенности временного опыта» становится понятной через структуру повествования [9]. Социолог Морис Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти», подчеркнув, что память формируется в социальном контексте и опирается на групповой опыт: воспоминания индивида существуют не изолированно, а во взаимодействии с памятью других, через «рамки памяти» общества [11]. Развивая эту мысль, культуролог А. Ассман выделил «культурную память» – более долговременное, институциональное хранение значимого прошлого (через тексты, ритуалы, памятники), которое служит основой коллективной идентичности. По ее словам, «культурная память выстраивает основания для идентификации, позволяя коллективу или отдельному человеку определить свое место в мире» [2]. Таким образом, современные теоретические подходы дают инструменты для анализа того, как литература сохраняет и транслирует опыт времени и памяти.

В литературоведении понятие хронотопа, введенное М.М.Бахтиным, стало ключевым для анализа времени и пространства в тексте. Бахтин определял хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [3], то есть единство параметров времени-пространства, через которое

выражается картина мира произведения. Хотя сам М.Бахтин рассматривал хронотоп преимущественно на материале эпоса и романа, его идеи продуктивны и для лирики – особенно при изучении поэтического времени (ритмического, биографического, исторического) и лирического пространства. Теория хронотопа и концепция культурной памяти А. Ассман совместно дают методологическую базу для нашего анализа: первая позволяет структурно описать, как время и пространство организованы в стихотворении, вторая – зачем и с каким культурным смыслом поэты обращаются к прошлому.

Одним из наиболее ярких примеров поэтической разработки этих категорий служит творчество Иосифа Бродского, которое на протяжении десятилетий остается в фокусе исследовательского интереса. Накоплен значительный корпус работ о философско-эстетических аспектах его поэзии, образах времени и памяти. Так, Р.Р.Измайлов в диссертации «Время и пространство в поэзии И.Бродского» (2004) утверждает, что через призму категорий времени и пространства формируется индивидуальная вселенная Бродского, где прошлое и будущее соединяются в рефлексии о судьбе и вечности [4]. М.С.Халимбекова проанализировала ранний сборник Бродского «Остановка в пустыне», выявив образы времени и пространства и их метафизическое измерение [9]. Е.Б.Келебай в монографии «Философия творчества Иосифа Бродского» (2001) особое внимание уделил мотивам смерти, памяти и противостояния забвению: И.Бродский постоянно возвращается к теме хрупкости человеческой жизни перед лицом времени и стремится с помощью поэзии преодолеть разрыв между мгновением и вечностью [6]. Исследователи В.Полухина, О.Седакова и другие отмечают интертекстуальность и культурные аллюзии в его стихах, ностальгию эмигрантской поэзии Бродского, диалог с классическим каноном [10; 12]. Однако до настоящего времени не было отдельного обобщающего труда, посвященного сравнительному анализу категорий времени и памяти у

И. Бродского и других поэтов, что и определяет научную новизну данного исследования.

Творчество Мухаммада Юсуфа вне пределов Узбекистана изучено значительно меньше, хотя на родине он признан одним из самых одаренных поэтов конца XX века. В узбекском литературоведении есть работы, касающиеся языка и стиля его поэзии. Так, Д.Шодиева в диссертации «Лингвопоэтика лирики Мухаммада Юсуфа» отмечает народность образного строя поэта, синтез фольклорных традиций с современными формами и выразительность его гражданской лирики [14]. Л.Ф.Шарипова исследовала роль фольклора и патриотических мотивов в узбекской поэзии второй половины XX века, подчеркивая искренность стихов Юсуфа, его обращение к образу матери, теме родной земли и предков [13]. В этих работах отмечалось, что стихи Юсуфа способны «оживить в поэтической памяти имена героев прошлого» и «вдохновить народ на путь возрождения», недаром многие его произведения стали народными песнями. Однако в академической литературе пока отсутствуют работы, специально посвященные философскому аспекту времени и памяти в его лирике, тем более в сравнении с другим поэтом. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, введя в научный оборот новые материалы (в том числе русские переводы стихов Юсуфа) и предложив интерпретацию, сочетающую литературный анализ с философским осмыслением.

Время пронизывает всю лирику И.Бродского, выступая то явным предметом размышления, то скрытым фоновым измерением каждого образа. Основные мотивы времени у Бродского можно разделить на несколько групп.

И.Бродский неоднократно обращается к противопоставлению сиюминутности человеческой жизни и бесконечности времени. В стихотворении «На столетие Анны Ахматовой» он писал о людской речи перед лицом вечности: «Бог сохраняет все; особенно – слова//прощенья и любви, как собственный свой голос», – эта знаменитая строка утверждает победу памяти (искусства, поэзии) над всепожирающим временем. Здесь

время предстает как нечто, утратившее власть, когда человек сохраняет воспоминание. В других текстах (например, цикл «Исаак и Авраам») лирический герой ощущает себя «песчинкой в бесконечном часе мирового бытия», стремясь ухватить в стихе неуловимый миг. Таким образом, мгновение у Бродского ценностно амбивалентно: это и символ бренности (момент, который сразу уходит), и точка соприкосновения с вечностью (через поэтическое осознание момента).

Иосиф Бродский жил в эпоху смены исторических парадигм (оттепель, застой, эмиграция, конец XX века): все это отразилось в его лирике. Хотя он избегал прямой политической публицистики, в стихах звучат отголоски исторических катаклизмов. Например, в поэме «Исаак и Авраам» 24-кратное употребление слова «песок» превращает его в ключевую лексическую доминанту, символизирующую течение времени, зыбкость бытия и метафизическую безграничность пустынного пространства, в котором разыгрывается библейская драма. Повтор создает эффект монотонности и вечного повторения, усиливая философское измерение хронотопа произведения:

Мои слова, я думаю, умрут,
и время улыбнется, торжествуя,
сопроводив мой безотрадный труд
в соседнюю природу неживую.

В былом, в грядущем, в тайнах бытия,
в пространстве том, где рыщут астронавты,
в морях бескрайних – в целом мире я
не вижу для себя уж лестной правды.

Поэта долг – пытаться единить
края разрыва меж душой и телом.

Талант – игла. И только голос – нить.

И только смерть всему шитью – пределом [4].

В стихотворении «На независимость Украины» (1991) он рефлексировал исторический распад советского пространства. Историческое время у Бродского часто изображается циклическим, ироничным: история повторяет себя как фарс. Можно сказать, что Бродский сочетает макровзгляд на историю (как философ, созерцающий смену эпох) и личный взгляд изгнанника, наблюдающего ход истории с расстояния. Это придает его образам времени универсальность.

Многие стихи И.Бродского автобиографичны или, по крайней мере, окрашены личным опытом. Темы детства, юности, воспоминаний о Ленинграде, друзьях, ушедшей любви – все это формирует автобиографическое время его поэзии. Особый мотив – ностальгия по утраченной Родине. В цикле «Часть речи» (1975-1976) ностальгическая интонация достигает апогея: поэт, находясь в эмиграции, мысленно возвращается в пространстве и времени к образам петербургского прошлого, детским воспоминаниям. Память становится единственной нитью, связывающей его с утраченной жизнью. При этом отношение к памяти у Бродского неоднозначно: он понимает ее хрупкость (мотивы забвения, исчезновения – «память предаст»), но одновременно именно памятью сопротивляется течению времени. Отсюда нередко возникающий в поэтике образ стихотворения как вместилища памяти. Поэт верил, что поэзия фиксирует то, что иначе кануло бы в Лету.

Некоторая часть лирики Бродского выходит за рамки конкретной истории или биографии и перемещается в масштаб космоса, вселенной. Его интересовали астрономические образы, небесные координаты времени – звезды, планеты, смена времен года как космический цикл. Например, в стихотворении «Представление» он говорит о человеке, сознающем вращение Земли и смену сезонов как грандиозный «маятник времен», перед которым человеческая жизнь мелькает как искра. Метафизическое время у Бродского близко к понятию вечности, но вечности особого рода – не религиозной (он был скорее агностиком), а философско-эстетической. Это вечность искусства:

слова и культура переживают своих создателей. В эссе Бродского звучит мысль, что поэзия – это способ продлить время жизни, вписать личный миг в вечное бытие языка. Отсюда и некоторая холодная отстраненность его лирического героя: он часто смотрит на события «с точки зрения вечности», как бы извне времени, и потому его поэтический голос сочетает личное чувство с мудрой дистанцией.

И.Бродский известен сложной метафоричностью и интеллектуальной игрой слов, но при этом его поэзия наполнена конкретными сенсорными деталями, через которые проявляется время. Например, пейзажные зарисовки: смена сезонов (часто упоминаются осень, зима – символы уходящего времени), времена суток (сумерки, рассветы – переходные моменты). Повтор в стихе передает цикличность или затянутость времени, в то время как рваный синтаксис может передавать ощущение фрагментарности, неравномерности его течения. И.Бродский – мастер хронотопа в лирике: в его лучших стихах время воспринимается почти осязаемо, через пространство. Например, в стихотворении «Конец прекрасной эпохи» описывается, как «ветер гонит листву», двигается тень, и мы чувствуем ход времени в статичных вещах (реализуется принцип Бахтина о «сплаве временных и пространственных примет»). Часто он использует исторические или мифологические аллюзии для усиления временного слоя – отсылки к Риму, Греции, библейским временам, через которые современность соотносится с прошлым. Это тоже способ расширить временной горизонт стихотворения.

Можно сказать, что у И.Бродского индивидуальная (личная) память и культурная (коллективная) тесно переплетены. Его собственные воспоминания подкрепляются памятью литературы и истории. Это соответствует идее М.Хальбвакса о том, что личные воспоминания опираются на социальные рамки. Для И.Бродского процесс воспоминания – это одновременно и возвращение к родному городу как к культурной метафоре, и осмысление исторического времени сквозь призму личного

диалога с прошлым. Он, как «член группы», поддерживает безличные воспоминания, принадлежащие всем (например, переживание Второй мировой войны, блокады – хотя он родился после войны, память о ней вошла в его сознание через родителей, книги). В стихотворении «Двадцать лет спустя» он пытается реконструировать события, которых лично не видел – типичный пример коллективной памяти, о которой пишет М.Хальбвакс [11].

В итоге память для И.Бродского не просто содержание поэзии, а ее условие. Его стихи измеряют время тем, что сохраняют запечатленное в памяти.

Мухаммад Юсуф вошел в узбекскую литературу на рубеже эпох – он начал публиковаться еще при бывшем Союзе, но расцвет его творчества пришелся на первые годы независимости Узбекистана. Его лирика отражает большой исторический перелом и связанные с ним изменения во взгляде на время. Если у Бродского акцент на метафизике времени, то у Юсуфа – на национально-историческом времени и природно-циклическом восприятии жизни.

Одной из центральных тем М.Юсуфа стало пробуждение национального самосознания после обретения независимости. В его стихах 1990-х часто звучат мотивы гордости за предков, осмысление героического прошлого узбекского народа. Например, он посвящает стихи великим историческим фигурам: Алишеру Навои, Амиру Темуру, Бабуру, Улугбеку – тем, кого новая государственная идеология провозглашала культурными героями нации. Через эти образы М.Юсуф вписывает современность в длинное время истории – проводит линию преемственности от великих эпох прошлого к нынешнему дню. Так, в одном стихотворении он вспоминает память Улугбека: «Самарқандга борсам мен агар, Улугбекни кўриб қайтаман», что демонстрирует идею преодоления времени через историческую память о герое. Важной вехой, отразившейся в поэзии Юсуфа, стали драматические события XX века: от коллективизации и войны до распада СССР. Однако подача их особая, М.Юсуф говорил о них через призму судьбы

простого народа. Он сочувственно описывает тяготы прошлого века (голод, война) и радости независимости как смену темного и светлого времени в истории. Для его лирического героя время истории не абстрактно: оно персонифицировано в образе Родины, которая «страдала» и «возродилась».

В поэзии М.Юсуфа сильна связь с землей, крестьянским трудом, природой. Отсюда особое циклическое время: смена сезонов, круг сельскохозяйственных работ, традиционные праздники. Эти циклы для поэта – источник оптимизма: после зимы всегда приходит весна, после ночи – утро. Подобное мировосприятие укоренено в фольклоре и исламской культуре. М.Юсуф часто использует символику рассвета, обновления: весенний росток, бабочка, радуга. Его известное стихотворение «На бабочку я обменяю...» метафорично противопоставляет ценности природы, детского удивления – бренным богатствам: «Богатство все я обменяю на бабочку в моем саду, и жизнь свою на радугу в чистом небе...» [15]. Здесь бабочка и радуга – мимолетные явления природы – противопоставлены накопительству; через эту нежную метафору поэт утверждает ценность момента, вписанного в природный цикл (радуга после дождя) над линейным прагматичным временем. Цикличность выражена и формально: в его стихах много рефренов, повторов, ритм приближен к песенному (часто его стихи кладутся на музыку), что само по себе создает ощущение кругооборота.

М.Юсуф воспевает обыденную жизнь – дни, проведенные в труде, семейные традиции. В его стихах часто конкретное время суток или дата: утро фермера, сумерки в кишлаке, день урожая. Такое приземленное время важно подчеркнуть: в отличие от И.Бродского, у М.Юсуфа лирический герой почти не выпадает в космос или отвлеченную философию. Он прочно стоит на земле, живет «здесь и сейчас». Повседневное время несет для него этическое измерение: каждый день – шанс сделать добро, послужить Родине. Таким образом, хронотоп его поэзии – родная земля, село, дом, где время течет мерно, по часам природы и сердца.

М.Юсуф, следуя классической восточной поэтике, нередко прибегает к символике природы для говорения о времени. Времена года в его стихах имеют эмоционально-символическую нагрузку: весна – надежда и молодость, осень – грусть расставания, зима – испытание, лето – зрелость. Можно сказать, что у него природный хронотоп преобладает над историческим, несмотря на присутствие обоих: исторические события часто подаются через природные образы. Например, независимость сравнивается с весной Родины, а годы колонизации – с суровой зимой. Также Юсуф использует фольклорные архетипы времени: в узбекских народных песнях время суток или годовые циклы всегда аллегоричны (ночь – тайна, рассвет – просветление и т.д.), и поэт вбирает эти традиционные коды. Его язык прост, близок к разговорному, но оттого особенно убедительно передает ощущение живого течения времени: читатель словно слышит негромкий голос автора, рассказывающий о прожитом дне или вспомнивший давнее событие. Это создает эффект подлинности времени в тексте – нет ощущения искусственности или «литературности».

Помимо патриотических тем, в творчестве М.Юсуфа присутствует и глубоко личная лирика – любовная, философская. Здесь проявляется внутреннее время переживаний. В любовных стихах он часто передает томление ожидания, радость встречи, горечь разлуки, фактически – время сердечных волнений героя. Например, в известном стихотворении «Не печалься, сердце», лирический герой уговаривает свое сердце не грустить о прошедшей любви, говоря, что «время излечит рану». Это типичный лиризм, сближающий Юсуфа с традицией восточной любовной лирики (например, с лирикой Навои, Физули, где время тоже лечит или казнит влюбленных). В таких интимных стихах время персонифицировано: оно может быть другом или врагом в переживаниях. Темпоритм этой лирики медленный, певучий, словно время замедляется, когда речь идет о чувствах.

Время в лирике М.Юсуфа представлено как многоуровневое явление: с одной стороны, великий исторический поток, в котором народ обретает

свободу и помнит свое прошлое; с другой, круговорот природы, дарующий утешение и устойчивость; с третьей, повседневный ритм жизни и внутреннее время души. Все эти аспекты сплавлены просто и цельно, образуя гармоничную картину мира. Для М.Юсуфа характерно позитивное восприятие времени: оно не столько враг (как у Бродского), сколько учитель и спутник. Время в итоге ведет народ к возрождению, а человека – к мудрости.

Как уже отмечалось, одна из миссий поэзии Юсуфа – хранить память о национальных героях, мучениках, ключевых событиях. Его стихи часто имеют посвящения или заглавия, напрямую указывающие, кому/чему они служат памятником. Например, «Тюльпанчик мой любимый» – стих о современнике-поэте Шавкате Рахмоне, «Реквием 1937 года» – о жертвах репрессий. Поэт, таким образом, выступает как «народный летописец» в стихах. Можно сказать, он реализует то, что А.Ассман называл «функцией памяти в культуре» – закрепление ключевых ценностей и траурных/триумфальных воспоминаний в художественной форме. Благодаря простоте языка и эмоциональной открытости эти стихотворения действительно стали частью массовой памяти: их читают на мероприятиях, публикуют в прессе, приурочивая к памятным датам. Это редкий случай, когда поэт не отрывается от своего народа, а говорит от его имени. В его стихах, посвященных историческим темам, как правило, звучит коллективное «мы»: мы помним, мы гордимся, нам больно. Тем самым индивидуальный авторский голос сливается с голосом коллектива.

Стиль М.Юсуфа афористичный, наполнен пословицами, народными образами. В отношении памяти он использует много сердечных метафор: сердце помнит, душа плачет по прошлому, имена героев горят в сердце народа. Эти метафоры делают концепт памяти не умственным, а чувственным, эмоциональным. Также часто задействован мотив следа: мол, время оставляет следы, но и память – это след в душе. Например, у него есть строка (пер.):

Мне вослед что скажут –

Только звук пустой,
Ну а ты, родная,
Что будет с тобой?
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной» [15].

Простая рифма, но за ней – важная мысль о взаимосвязи времени (которое проходит, оставляя следы) и памяти (которая эти следы бережет).

Память в поэзии М.Юсуфа – это прежде всего память коллективная, народная, вобравшая в себя и эпос предков, и боль утрат, и семейные ценности. На личном уровне память для него – источник вдохновения и моральный компас. Если у И.Бродского память носит более интеллектуальный характер, связана с культурой и личной рефлексией, то у М. Юсуфа это преимущественно этический и социальный феномен: помнить – значит быть достойным сыном своего народа, значит любить. Такая разница весьма показательна и обуславливает многие отличия в их поэтических мирах.

Сопоставление поэзии Иосифа Бродского и Мухаммада Юсуфа в аспекте категорий времени и памяти выявило как сходства, так и существенные различия, проистекающие из их личного опыта и культурных традиций. Время и память действительно выступают фундаментальными категориями поэтического мышления – как на уровне мировоззрения автора, так и на уровне поэтической структуры текста. На примере И.Бродского и М.Юсуфа мы увидели, как сквозные мотивы времени/памяти связывают воедино разные культурные миры, позволяя найти универсальный язык человеческого опыта. Оба поэта, каждый своим способом, решали сходную задачу: примирить человека со временем, преодолеть его разрушительность через слово и память.

Проведенный сравнительный анализ поэтики времени и памяти в лирике Иосифа Бродского и Мухаммада Юсуфа позволяет сделать ряд содержательных выводов. У И.Бродского категория времени предстает как

философско-метафизическая, наполненная экзистенциальной тревогой и размышлениями о смерти, вечности, судьбе личности. Память в его поэзии функционирует как средство индивидуального и культурного сопротивления времени, выступая опорой для идентичности и связующим звеном с элитарной традицией. Поэзия Мухаммада Юсуфа, напротив, осмысляет время преимущественно в национально-исторической и природной плоскости. Память здесь носит коллективный и этический характер: она сохраняет традиции, укрепляет связь поколений и наполняет лирику пафосом патриотизма и гуманизма. Стихотворная речь М. Юсуфа проста и напевна, укоренена в народной традиции, что подчеркивает ее доступность и эмоциональную выразительность.

Сопоставление поэтик выявило как существенные типологические параллели (роль поэзии как хранительницы памяти, образы природы как маркеры времени, мотив ностальгии), так и характерные контрасты. Эти различия обусловлены и разностью культурных кодов: русская постмодернистская традиция и узбекская постколониальная литература, и личными жизненными траекториями поэтов.

Иосиф Бродский и Мухаммад Юсуф каждый по-своему «измеряли» время своей эпохи памятью своих стихов, и тем сохранили ее для будущего. Их творчество – свидетельство того, что поэзия продолжает быть надежным хранителем человеческой памяти перед лицом быстротекущего времени.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

вгустин Аврелий. Исповедь //Пер. с лат. М. Сергеенко. – СПб.: Азбука, 2024. – 391с.

ссман А. Трансформации нового режима времени //Новое литературное обозрение, 2012. – № 116.

ахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. – Москва: Художественная литература, 1975.

родский И. А. Стихотворения https://www.lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt

Змайлов Р. Р. Время и пространство в поэзии И. Бродского: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2004.

Елебай Е.Б. Философия творчества Иосифа Бродского: диссертация ... доктора философских наук. – Москва, 2001. – 542 с.

Олухина В. П. Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. – Москва: Nueva literatura, НЛО, 2002. – 303 с.

Икер П. Герменевтика и метод социальных наук. Герменевтика. Этика. Политика. – Москва: АО «КАМІ» – Изд. центр Academia, 1995.

Икер П. История и истина. – СПб: Алетейя, 2002.

Едакова О. «Дантову шагу вторя»: Иосиф Бродский в преддверии «Божественной комедии» //Знамя, 2024. [Электронный ресурс]:

Альбваск М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2 (40-41). – [Электронный ресурс]:

Алимбекова М. С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «Остановка в пустыне»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала: Дагестанский гос. ун-т. –, 2004. – 26 с.

haripova L.F. XX asrning ikkinchi yarmi o'zbek she'riyati badiiy taraqqiyotida

Одиева Д. М.Юсуф шеърияти лингвопоэтикаси: Филол.фан. номз... дисс.автореф. – Ташкент, 2007. – 25 б.

суф М. Избранные стихи //Пер. на рус. Р. Казакбаевой, В. Райхеля. – Ташкент: